

ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКТРИНЫ ОГРАНИЧЕННОГО (ФУНКЦИОНАЛЬНОГО) ИММУНИТЕТА ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

THE PRINCIPLE OF TERRITORIALITY IN THE CONTEXT OF APPLYING THE DOCTRINE OF LIMITED (FUNCTIONAL) IMMUNITY OF A FOREIGN STATE

I. Dulova

Summary. The article deals with issues related to the requirement that a dispute to which a foreign state is a party is connected with the territory of the court state. The analysis of foreign legislation and judicial practice is carried out in order to identify approaches to the problem under consideration that have developed in the world practice.

Keywords: jurisdictional immunity of a foreign state; the doctrine of limited (functional) immunity of a foreign state; the principle of territoriality.

Дулова Ирина Евгеньевна

*Аспирант, МГИМО (У) МИД России, г. Москва
irina.dulova.51@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся требования о наличии связи спора, стороной по которому выступает иностранное государство, с территорией государства суда. Проведен анализ зарубежного законодательства и судебной практики с целью выявления подходов к рассматриваемой проблематике, сложившихся в мировой практике.

Ключевые слова: юрисдикционный иммунитет иностранного государства; доктрина ограниченного (функционального) иммунитета иностранного государства; принцип территориальности.

В ряде стран определяющим фактором при решении судом вопроса о том, может ли он рассматривать дело с участием иностранного государства, является наличие у суда территориальной юрисдикции, то есть связи спорного правоотношения с территорией государства суда.

В соответствии с частью 1 статьи 7 Федерального закона от 3 ноября 2015 года № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон) иностранное государство не пользуется в Российской Федерации судебным иммунитетом в отношении споров, связанных с участием иностранного государства в гражданско-правовых сделках с физическими лицами, или юридическими лицами, или иными образованиями, не имеющими статуса юридического лица, иного государства, если такие споры в соответствии с применимыми нормами права подлежат юрисдикции суда Российской Федерации и указанные сделки не связаны с осуществлением иностранным государством суверенных властных полномочий [1].

Иностранное государство не пользуется в Российской Федерации судебным иммунитетом в отношении споров, связанных с осуществлением иностранным государством предпринимательской и иной экономиче-

ской деятельности на территории Российской Федерации, а также на территории другого государства, если последствия такой деятельности имеют связь с территорией Российской Федерации (часть 3 статьи 7 Федерального закона) [1].

В доктрине стран общего права отмечается, что сам термин «иммунитет», означающий изъятие из-под юрисдикции, по определению предполагает существование такой юрисдикции. Если юрисдикции изначально нет, то вопрос об иммунитете не рассматривается, так как отсутствие юрисдикции означает, что суд некомпетентен начинать судебное разбирательство (в частности, приступать к рассмотрению вопроса о применении либо не применении государственного иммунитета). [5]

Законодательство об иммунитетах иностранного государства развилось на основе судебной практики по спорам, которые происходили в территориальных границах государства суда. При этом в судебных решениях, признающих иммунитет иностранного государства, он рассматривался как отступление от принципа территориальной юрисдикции государства суда.

Именно наличие связи спора с территорией государства суда изначально являлось основанием для отказа в признании иммунитета иностранного государства. Та-

ким образом, принцип территориальности всегда занимал важное место при рассмотрении подобных споров. Вопрос иммунитета иностранного государства, в первую очередь, был вопросом наличия у суда соответствующей юрисдикции.

Рассмотрим одно из первых в мировой практике дело, в котором был поднят вопрос об иммунитете иностранного государства — *The Schooner Exchange v. McFaddon* 1812 года. Торговое судно, изначально принадлежавшее гражданину США, было конфисковано в открытом море французским военно-морским флотом и преобразовано в военный корабль. Впоследствии из-за шторма оно было вынуждено зайти в порт Филадельфии. Первоначальный владелец потребовал в суде восстановить его в правах собственности на это судно. Председатель Верховного суда США Джон Маршалл в этой связи отметил, что «дело включает в себя очень деликатный и важный вопрос — может ли американский гражданин притязать в американском суде на титул иностранного государственного военного корабля, находящегося в территориальных водах США» [7].

Верховный суд США в решении по данному делу обратил внимание на то, что юрисдикция государства в пределах его собственной территории является исключительной и абсолютной. Она не поддается никаким ограничениям, кроме тех, которое государство само на себя налагает. В некоторых случаях, когда одно государство «вторгается» на территорию другого, это другое государство, признавая иммунитет первого, частично отказывается осуществлять свою полную исключительную территориальную юрисдикцию [7].

Таким образом, что с самого начала иммунитет рассматривался как изъятие из-под «полной, исключительной и абсолютной» территориальной юрисдикции, «самоналагаемое» ограничение юрисдикции государства, которую оно осуществляет в пределах своей территории.

Территориальная юрисдикция являлась самым существенным (и, пожалуй, единственным на протяжении значительного периода времени) основанием для отказа в предоставлении иностранному государству иммунитета, особенно в то время, когда в судебной практике только начал обозначаться переход от концепции абсолютного иммунитета к доктрине ограниченного (функционального) иммунитета.

В рассмотренном в 1873 году Адмиралтейским судом Великобритании деле *The Charkieh* спор касался иностранного судна, которое было арестовано в порту Лондона за ущерб, причиненный в результате столкновения в водах Темзы. Вынося решение по делу (отме-

тим, что в то время судебная практика Великобритании придерживалась доктрины абсолютного иммунитета), известный своими прогрессивными взглядами сэр Роберт Филлимор посчитал, что в соответствии с принципами общей судебной практики присутствие лица или собственности в пределах территории государства обосновывают юрисдикцию судов этого государства. Кроме того, он обратил внимание на то, что ограничение юрисдикции было бы «несовместимо с правом территориального суверена» [9].

Немногим позднее в прецедентном решении Апелляционного суда по делу *The Parliament Belge* судья Уильям Бретт высказал прямо противоположную позицию, которая на многие годы определила ход развития судебной практики Великобритании: «Принцип иммунитета означает, что государство отказывается осуществлять свою территориальную юрисдикцию над лицами какого-либо суверена или представителями какого-либо суверена, над имуществом иностранного государства, которое предназначается для использования в публичных целях и над собственностью любого его представителя, несмотря на то, что такой представитель или имущество находятся в пределах территории государства суда и, таким образом, подпадают под его юрисдикцию.» [10].

В середине XX века суды Великобритании постепенно начали применять концепцию ограниченного иммунитета иностранного государства. Одним

из первых судей, обосновавших применение доктрины функционального иммунитета, был лорд Деннинг. В решении по делу *Rahimtoola v. Nizam* он отметил, что отсутствует причина, по которой «мы предоставляли бы иммунитет департаментам или агентствам иностранного правительства, который мы не предоставляем своим собственным, но при условии того, что спорное правоотношение возникает в пределах юрисдикции наших судов и надлежащим образом подсудно им» [11].

Лорд Деннинг также указал на то, что в случае, если спор касается коммерческих сделок иностранного правительства (совершенных «его департаментами или агентствами или посредством учрежденных им юридических лиц») и возникает явно в пределах территориальной юрисдикции судов Великобритании, отсутствует и основание для признания иммунитета иностранного государства [11].

Выраженная им позиция получила дальнейшее развитие в судебной практике. Так, например, в решении по делу *Thai-Europe v. Pakistan*, датированным 1975 годом, суд отметил следующее: «Иностранное государство не обладает иммунитетом, когда оно вступает в коммерческую сделку с торговцем в нашей стране, и возникает

спор, который должным образом находится в территориальной юрисдикции наших судов. Это правило должно применяться ко всем указанным мною исключениям. Я хотел бы, в частности, подчеркнуть необходимость того, что спор должен подпадать под территориальную юрисдикцию наших судов. Под этим я подразумеваю, что спор должен быть связан с собственностью, фактически находящейся в Великобритании, или с коммерческими сделками, имеющими тесную связь с Великобританией, например, если стороны присутствовали на территории страны или спор по своему характеру связан с нашей территорией.» [12].

Интересно также обратить внимание на сравнение, которое использовал судья в приведенном решении: «сделки далеки от территориальных границ Великобритании как луна» [12].

В известном деле *Trendtex v. Central Bank*, связанным с аккредитивом, выпущенным правительством Нигерии в целях приобретения цемента, лорд Деннинг еще точнее обосновал отказ в предоставлении юрисдикционного иммунитета территориальным принципом: «Trendtex подает иск, который не вытекает из договора купли-продажи. Они предъявляют иск, касающийся аккредитива — отдельного договора. Это явно коммерческая сделка. Аккредитив был выпущен в Лондоне лондонским банком в порядке обычной коммерческой деятельности и полностью подпадает под территориальную юрисдикцию наших судов. Я думаю, что правительство Нигерии не вправе требовать предоставления иммунитета в этом случае». [13].

В этой связи отметим, что одно из общепринятых исключений из принципа государственного иммунитета — недвижимое имущество, находящееся на территории государства суда, уходит корнями в принцип территориальности. Так как недвижимое имущество всегда рассматривалось в качестве неотделимого от земли, считается, что статут недвижимого имущества должен определяться правом той территории, на которой оно находится (*lex situs* и *forum rei sitae*). Даже в то время, когда в мировой практике господствовала теория абсолютного иммунитета, по отношению к недвижимому имуществу, тем не менее, применялся принцип территориальной юрисдикции [14].

В проекте регламента Института международного права «О компетенции судов в делах против иностранных государств» 1891 г., в котором была предпринята попытка сформулировать принцип ограниченного иммунитета, упоминался, в частности, и принцип территориальности. Так, например, в качестве допустимых исков к иностранному государству предлагалось рассматривать вещные иски, относящиеся к вещи, движи-

мой либо недвижимой, которая находится на территории государства суда; иски, относящиеся к торговому или промышленному предприятию либо к железной дороге, которые используются иностранным государством на территории государства суда; а также иски, основанные на договоре, заключенном иностранным государством на территории государства суда, если его исполнение осуществляется на этой же территории [3].

В итальянских судах развитие получил принцип *princeps in alterius territorio privatus* (дословно: «принц становится частным лицом на территории другого принца»). Судьи отмечали, что деятельность иностранного государства в качестве частного лица в совокупности с наличием связи с территорией Италии является единственной причиной для отказа в признании иммунитета иностранного государства [15; 16].

В 1886 году в деле *Gutierrez v. Elmilik* Кассационный суд Италии пришел к выводу, что иностранные государства, как только они начинают участвовать в договорах и сделках для того, чтобы приобрести права и обязанности «как частное лицо», более не вправе пользоваться иммунитетом в отношении обязательств, возникающих из договоров или сделок, которые были заключены либо должны быть исполнены на территории Италии [17].

В решении по делу *Borga v. Russian* Кассационный суд Италии более четко сформулировал этот подход: «Когда иностранное государство осуществляет на территории другого государства экономическую деятельность, которая может вестись и частным лицом, оно, таким образом, само лишает себя правосубъектности лица публичного права и не вправе заявлять о наличии иммунитета от юрисдикции в судах такого государства.» [18].

Итальянская судебная практика придерживается позиции, сформулированного Кассационным судом Италии [19; 20; 21].

Судебная практика Австрии пошла по аналогичному пути. Так, в деле *Dralle v. Czechoslovakia* Верховный суд Австрии счел, что в случае если иностранное государство «ведет себя как обладатель обычных частных прав» и заключает договоры, которые должны быть исполнены на территории государства суда, оно тем самым «вступает в границы правовой системы этого государства и не может оставаться полностью независимым от нее» [22]. Соответственно, в подобных случаях на иностранное государство должна распространяться юрисдикция того государства, на территории которого находится его коммерческое предприятие.

В США подобный подход разрабатывался в юридической науке задолго до того, как американская судебная

практика стала использовать доктрину ограниченного иммунитета. В исследовании, проведенном в 1932 году в Гарвардской школе права и посвященном вопросам компетенции судов по искам против иностранных государств, указывалось, что государство может выступать ответчиком в суде иностранного государства, когда оно участвует на его территории в промышленной, коммерческой, финансовой или иной деловой деятельности, в которую может вступить и частное лицо; либо в том случае, если такая деятельность, хотя и осуществляется за пределами территории США, имеет с ней тесную связь [6].

Закон США об иммунитетах иностранного государства 1976 года (*US Foreign Sovereign Immunities Act — FSIA*) содержит обязательное требование о наличии территориальной связи для применения исключения из иммунитета иностранного государства в связи с осуществлением им коммерческой деятельности. В соответствии с § 1605 (а)(2) иностранное государство не пользуется иммунитетом от юрисдикции в судах США в любом деле, в котором иск основан на коммерческой деятельности, осуществляемой в США иностранным государством или на действии, совершенном в США в связи с коммерческой деятельностью иностранного государства, осуществляемой в любом месте, или на действии, совершенном за пределами территории США в связи с коммерческой деятельностью иностранного государства на территории другого государства, но имеющим прямые последствия в США [4].

Использование территориального критерия для обоснования отказа в признании иммунитета иностранного государства характерно также для швейцарской судебной практики. Как и суды в ряде других стран, швейцарские суды используют «тест частного лица» для того, чтобы определить является ли конкретное действие государства *de jure imperii* или *de jure gestionis*:

«Иностранное государство не может ссылаться на иммунитет, если оно спускается на уровень частного лица, в особенности тогда, когда оно действует в качестве субъекта частного права (*jure gestionis*).» [23].

Тем не менее, Федеральный суд Швейцарии неоднократно обращал внимание на то, что одного только факта действия иностранного государства в качестве частного лица недостаточно для установления швейцарской юрисдикции. Обязательно также наличие достаточной связи спорного правоотношения с территорией Швейцарии.

В 1918 году в деле *Dreyfus*, в котором впервые в швейцарской судебной практике была применена доктрина ограниченного иммунитета, суд отказался

отменить постановление о наложении ареста на имущество Австрии в связи с иском, связанным с австрийскими государственными облигациями, находящимися в обороте на рынке Швейцарии. Суд указал на то, что в признании иммунитета Австрии от обеспечительных мер отказано не только из-за того, что спор вытекает из частноправовых отношений (*jure gestionis*), но также и вследствие того, что относящееся к рассматриваемому делу действие произошло на территории Швейцарии [24].

В решении же Федерального суда Швейцарии по делу *Greece v. Julius Bar* обеспечительный арест, наложенный на имущество Греции, был отменен именно из-за отсутствия связи спора с территорией Швейцарии. Суд, в частности, отметил следующее: «Необходимо различать действия иностранного государства, совершенные им в качестве суверена (*jure imperii*) и в качестве субъекта частного права (*jure gestionis*). Когда государство действует в качестве суверена, то на его деятельность распространяется принцип иммунитета.

Если же оно действует *jure gestionis*, то против него можно подавать иски в судах других государств, а также применять по отношению к нему принудительные меры. Однако одного только факта, что государство действовало в качестве частного лица, недостаточно для рассмотрения иска против него в швейцарских судах. Не каждое частноправовое отношение, в которое вступает иностранное государство, может привести к судебному разбирательству в Швейцарии. Такое правоотношение должно, по меньшей мере, иметь определенные связи с территорией Швейцарии.» [25].

Таким образом, само по себе совершение иностранным государством действия *jure gestionis* не может привести к потере иммунитета.

«Основная причина для отказа в признании иммунитета по делу *Dreyfus* заключается в том, что сделка была совершена на территории Швейцарии. Австрия взяла на себя обязательство вернуть долг в Швейцарии в швейцарской валюте. Все транзакции совершались на территории Швейцарии. Налицо наличие тесной связи спора со швейцарской территорией.» [25].

Тем самым, территориальная связь стала причиной более веской, чем частноправовая природа рассматриваемого действия, для решения судом вопроса об иммунитете. Для швейцарского суда оказалось недостаточно того факта, что иностранное государство-ответчик было вовлечено в коммерческую деятельность. Соответственно, чтобы швейцарские суды приступили к рассмотрению подобного рода спора, должен быть соблюден и территориальный критерий.

В 1994 году при рассмотрении дела *M v. Egypt* Федеральный суд Швейцарии счел, что, несмотря на то, что прием на работу в посольство шофера не является осуществлением суверенной власти государства, одного этого обстоятельство недостаточно для установления швейцарской юрисдикции. Необходимо также определить, что рассматриваемое правоотношение имеет определенные связи с территорией Швейцарии: возникло или имело место исполнения на территории Швейцарии [26].

Таким образом, можно даже сделать вывод, что для швейцарского Федерального суда территориальная связь в некотором роде служит одним из индикаторов природы *jure gestionis* рассматриваемого действия:

«Чтобы отличить действие *jure gestionis* от *jure imperii*, судья должен сконцентрироваться не на цели действия, а на его природе, и установить является ли действие государства актом публичной власти или же оно схоже с действием, которое может совершить любое частное лицо. Применяя этот критерий, судья может также использовать другой критерий, лежащий за пределами действия самого по себе. С этой точки зрения место, где действие было совершено, иногда может иметь решающее значение. Если государство вступает в правоотношение с частным лицом за пределами своих границ и без привлечения каким-либо

образом своих дипломатических связей с другим государством, то это показатель того, что иностранное государство, скорее всего, совершает действие *jure gestionis*.» [27].

Какими бы ни были реальные причины, послужившие возникновению такого подхода в судебной практике Швейцарии, подобная практика подтверждает чрезвычайную значимость наличия территориальной связи при применении концепции ограниченного (функционального) иммунитета иностранного государства.

На основе проведенного в статье анализа можно сделать вывод о том, что иммунитет иностранного государства необходимо рассматривать в качестве исключения его из-под территориальной юрисдикции государства суда. Доктрина ограниченного иммунитета возникла из попытки найти баланс между интересами государства суда и иностранного суверена, действующего за пределами своей территории.

Таким образом, принцип территориальности лежит в основе вопроса об иммунитете иностранного государства. Действительно, зачастую наиболее значимым основанием для отказа в признании иммунитета является не различие между действиями *jure imperii* и *jure gestionis*, а именно наличие связи спора с территорией другого государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. N297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. N45. Ст. 6198.
2. Д.С. Денисов Развитие суверенного иммунитета в Великобритании XIX- начале XXI в. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2018. № 6
3. Комаровский Л. О съезде Института международного права в Гамбурге в 1891 г. / Юридический вестник, 1982, Т. XII, Кн. 4. М. С. 596–600.
4. The Foreign Sovereign Immunities Act of 1976 // United States Code, 1976 Edition, vol. 8, title 28, chap. 97
5. Yang X. State Immunity in International Law / X. Yang. — Cambridge University Press, 2012. p. 64
6. Harvard Research, 456–457, 597, Draft Convention, Art. 11
7. The Schooner Exchange v. McFaddon, US, 11 US (7 Cranch) 116, 135 (1812)
8. National v. Republic of China, US, 348 US356, 362 (1955); 22 ILR210, 214
9. The Charkieh, England, (1873) LR4 A and E59, 88
10. The Parliament Belge, England, (1880) 5PD197, 214–215
11. Rahimtoola v. Nizam, England, 1957, [1958] AC379, 418; 24 ILR175
12. Thai-Europe v. Pakistan, England, [1975] 1 WRL 1485, 1491–1492; 64 ILR81, 85–86
13. Trendtex v. Central Bank, England, [1977] QB529, 558; 64 ILR111, 132
14. Restitution of Property Case, Germany, (1951) 18 ILR221, 222
15. Tani v. Russian, Italy, (1947) 15 AD141, 144;
16. Mallaval v. French, Italy, (1974) 65 ILR303, 305
17. Guttieres v. Elmilik, Italy, 1886, 26 AJIL Supplement (1932) 622–623
18. Borga v. Russian, Italy, (1953) 22 ILR235, 238
19. Libya v. SPA Records, Italy, (1983) 87 ILR11, 13–14;
20. Banco v. Credito, Italy, (1984) 87 ILR15, 17;
21. Norwegian v. Quattri, Italy, (1991) 114 ILR525, 528
22. Dralle v. Czechoslovakia, Austria, (1950) 17 ILR155–157

23. R v. Iraq, Switzerland, (1994) 116 ILR664, 666, Ground 5a
24. Dreyfus, Switzerland, (1918) BGE44 I 49; 54–55
25. Greece v. Julius Bar, Switzerland, (1956) ATF 82 I 75, 86, Ground 7; 23 ILR196–197
26. M v. Egypt, Switzerland, (1994) ATF 120 II 400, 406–407, Ground 4b; 116 ILR656, 662
27. UAR v. Mrs X, Switzerland, (1960) 65 ILR385, 390, Ground 2

© Дулова Ирина Евгеньевна (irina.dulova.51@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

